

Цифровая биомедицина и надзорный капитализм в логике биополитического управления

Попов Дмитрий Владимирович^А

^А Омская академия МВД России, Омск, Россия DmitriVPopov@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В национальном государстве Нового времени получил развитие новый тип государственного управления, предполагающий инвестиции в население во имя могущества, процветания и безопасности. В оформившейся системно биополитике одним из основных инструментов стала медиализация, что привело к политическому регулированию «голой жизни». В XXI в. возникают новые импликации из уже оформившейся биополитической парадигмы: «государство безопасности», «государство биобезопасности» и «надзорный капитализм». Открытый Google «поведенческий излишек» привел к формированию цифрового рынка человеческого поведения. «Гуглизация» – «фордизм» XXI в. за тем различием, что массовое производство было инклюзивным, а надзорный капитализм эксклюзивен и экстрактивен по преимуществу. Цифровая биомедицина в рамках надзорного капитализма используется как один из ресурсов оцифровки поведения человека. Безусловно, это лишь один из аспектов биомедицинских технологий, вносящих свой неоспоримый вклад в сохранение и продление жизни и здоровья человека – аспект рыночный и биополитический по существу. Однако, стратегия надзорного капитализма, направленная на коммодификацию оцифрованного поведения человека цифровыми гигантами в интересах их клиентов, делает цифровую биомедицину амбивалентной. Биомедицина, целью которой является содействие жизни человека, оказывается в положении, с одной стороны, важнейшей биополитической стратегией инвестиций в население, а, с другой стороны, заложника новейших биокапиталистических императивов извлечения выгоды из цифрового надзора над индивидом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

биополитика, биокапитализм, надзорный капитализм, биомедицина, цифровая биомедицина, человек

1 ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: О БИОПОЛИТИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Согласно сложившемуся в научном сообществе консенсусу рождение биополитики связывают с XVIII в. – временем формирования нового типа

государства, нацеленного на рациональное сочетание политико-правовой регламентации и регуляции на основании статистических данных о жизни естественного общества (Фуко 2011: 451). Следует отметить, что биополитический инструментарий можно обнаружить уже в античности, однако, именно XVIII в. становится

эпохой широкомасштабной интеграции этого арсенала в государственное управление. Биополитика предстает как властная организация жизни населения во имя могущества, безопасности и процветания с опорой на человеческий капитал, забота о поддержании которого становится осознанной. По существу, биополитика – «научное, рационально-техническое и бюрократическое управление биологической жизнью людей, объективированных в качестве “населения”» (Яркев 2018: 271).

Биополитика продолжает одно из начинаний просвещенного абсолютизма – полицейское государство, для которого в рамках сложившейся на немецкой почве «полицейской науки» (Polizeywissenschaft) забота о населении стала центральным элементом. «В этом смысле классическое полицейское государство (Polizeistaat) одновременно является государством всеобщего благоденствия (Wohlfahrtsstaat), то есть социальным государством, в котором “полиция” означает, прежде всего, попечение об общем благе (Wohlfahrtspflege). Апофеоз этих представлений – понятийная конструкция Wohlfahrtspolizei: полиция как забота об общем благе подданных» (Кильдюшов 2013: 21). Новый тип государственного управления развивает идею заботы о населении, но преодолевает «ключевой тезис полицейистики абсолютизма: существование полицейского государства необходимо в силу ограниченности рассудка подданных, неспособных понять свой подлинный интерес и счастье» (Кильдюшов 2022: 508). В то время как просвещенный абсолютизм исходил из идеи о том, что подданные не ведают своего счастья, и именно властно организованный порядок должен привести к благополучию, биовласть принимает воззрения И.Ш. Пюттера, полагавшего, что принудить граждан к счастью властным воздействием сверху невозможно (Кильдюшов 2022: 508). Биополитика опирается не столько на классиков полицейской науки (И.Г. фон Юсти) или философов от полицейского государства (И.Г. Фихте), сколько на мыслителей и управленцев, допускающих автономию личности. Развитие получает система управления, при которой начала дисциплины, порядка и муштры сбалансированы с частной инициативой, самостоятельностью и экономией желаний. При этом следует особо подчеркнуть, что биополитика, несмотря на целенаправленное стремление инвестировать в население, отнюдь не является обращением к альтруистическому служению людям. «Население всегда оказывается лишь тем, о чем государство печется ради своего собственного блага, и потому, в случае нужды,

разумеется, государство может его и истребить. Таким образом, изнанкой биополитики выступает танатополитика» (Фуко 2006: 379.). Биополитика проявляет способность относиться к населению (англ. population, лат. populatio) и как к народу в качестве культурно-исторической общности, и как к «популяции» (то есть совокупности организмов одного вида обитающих на одной территории), в которой обнаруживаются теоретически, эмпирически и статистически закономерности, подлежащие регуляции.

Помимо полицейского государства предпосылкой для биополитики является возникший тренд на формирование национального государства после Вестфальского мира 1648 г. Дж. Агамбен отмечает, что сама этимология слова «нация» восходит к первоначальному значению этого слова – «рождению» (лат. natio), что придает «национальному государству» биополитическое измерение. Массы доселе разрозненных индивидов объективируются в «население», которое подпадает под пристальное внимание правительства. Работные дома, клиники, школы, казармы, тюрьмы, фабрики и полицейские участки – суть возникшие в XVIII в. элементы биополитического конструктора власти, обучающейся извлекать могущество, богатство и престиж из технологий организации жизни. Правительство нового типа учится руководить процессом, в рамках которого «население как собрание подданных сменяется населением как совокупностью естественных феноменов» (Фуко 2011: 455).

Предоставление в национальном государстве гражданства по факту рождения активировало механизмы включения и исключения, опирающиеся на конструкт «добропорядочного гражданина». Качество, престиж, предоставление (непредоставление, приостановка, лишение) гражданства – политические и юридические механизмы, скрывающие биополитическое содержание. Институт гражданства позволяет регулировать включение (или исключение) индивида в социальные отношения непосредственно. Ничтожный с точки зрения закона статус не-гражданина превращает человека в «голую жизнь», возможно, находящуюся в бесправном и опасном состоянии, что соответствует описанному Дж. Агамбеном положению homo sacer.

Развивая мысль Р. Брубейкера о том, что гражданство – это «инструмент и объект замыкания», Д. Коченов указывает: «Суть гражданства заключается в том, чтобы провести через общество линию отчуждения и в результате сформировать новое сообщество из тех, кого

признали гражданами – они провозглашаются истинными носителями идентичности, им предоставляют права и защиту, они вправе претендовать на равенство, достоинство и свободу...» (Коченов 2021: 82). Краеугольным камнем национального государства становится идеологема «добропорядочного гражданина». «Практически все страны мира... предусматривают обязанность быть “добропорядочным” и верным гражданином. “Добропорядочные граждане” не восстанут и не ставят под сомнение статус-кво. Более того, они не могут проявлять безразличие и должны активно поддерживать систему власти в обществе, в котором им довелось родиться» (Коченов 2021: 195). Институт гражданства способствует постановке биополитической задачи воспитания «добропорядочного гражданина», единственно заслуживающего внимания и любви родины. «Поэтому основной обязанностью гражданина во всех правовых системах по всему миру всегда было быть добропорядочным гражданином, то есть вписываться в нарративы, сконструированные государством... добропорядочный гражданин – это тот, кто поддерживает и укрепляет сложившийся в обществе строй и аккуратно вписывается в стереотипы о том, что значит прожить жизнь подобающе, с достоинством» (Коченов 2021: 195, 208–209). Таким образом, формирование национального государства в рамках сложившегося *jus publicum eugraeum*, предполагающего территориальную замкнутость в пределах установленных границ, обратило взоры власти к биополитике, воспринявшей население, которому отныне по факту рождения присваивалось гражданство, как важнейший ресурс могущества, что закономерно привело к идее инвестирования в него ради оптимального использования потенциала. Важнейшей из форм инвестирования в население стала медиализация, непосредственным эффектом которой явились как рост количества граждан, так и увеличение трудоспособности индивидов, на здоровье которых стало обращать гораздо большее внимание.

2 МЕДИКАЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ БИОПОЛИТИКИ

Следует отметить, что развитие медицины рассматривалось в ряду формирования механизмов безопасности, которые должны обеспечить могущество и процветание государства. Безопасность стала пониматься как стратегическая цель. Меркантилисты и физиократы обратили внимание на продовольственную безопасность.

Борьба с угрозой голода вызвала к жизни зерновую полицию, стратегический запас зерна в специально оборудованных складских помещениях, но также особое внимание к возможностям внутригосударственной и международной торговли, способных при должном подходе в кратчайшие сроки ликвидировать нехватку зерна. Кроме того, в поле зрения попала дорожно-транспортная инфраструктура, городские подъездные пути и хранилища, портовые сооружения и т.п. Безопасность предстала как комплекс задач и тотальный вызов. Обеспечение безопасности границ привело к развитию дипломатической службы и широкому кругу проблем, связанных с обороноспособностью государства. В этой связи самое пристальное внимание стало уделяться профессиональной армии, воинской повинности, созданию и вооружению сухопутных войск и флота. Широко известна доктрина Ч. Тилли, полагавшего, что именно угроза войны явилась драйвером развития государства. У. Мак-Нил убедительно продемонстрировал, что XIX в. запустил гонку вооружений, приведшую к перманентной реорганизации как военного дела, так и промышленности, ориентированной на производство оружия. Наконец, немаловажно, что в ходе формирования национальных государств (в частности, в ходе и после Великой Французской революции и наполеоновских войн) был осуществлен переход от модели «армии-часов» к модели «армии-мотора», «топливом» для которого служила лояльность добропорядочных граждан, для которых возможность защищать Родину предстала в качестве почетной обязанности, вытекающей из предоставленного национальным государством статуса гражданина (Деланда 2014: 104). Обеспечение безопасности способствовало развитию полиции и пенитенциарной системы. Наконец, в этом ряду важнейшее место занимает развитие медицины. Возникновение санитарной службы рассматривалось как необходимый барьер на пути трансграничных угроз эпидемий. Для обеспечения обороноспособности, развития экономики и гарантий продовольственной безопасности необходимо здоровое, трудоспособное, не имеющее излишних обременений население. Это привело к появлению системы здравоохранения и ее различных институтов, учреждений и мероприятий (клиники, психиатрические лечебницы, вакцинация, диспансеризация и т.д.). Уже во времена просвещенного абсолютизма «особенно значимой областью регулирования в полицейском дискурсе были жизнь и здоровье подданных, что получило

соответствующее обозначение: Gesundheitspolizei, т.е. «полиция здоровья»... В эпоху просвещенного абсолютизма здоровье и телесное благополучие поданных впервые попали в число важных целей политической власти» (Кильдюшов 2022: 504–505). Биополитика восприняла и развила это начинание.

Сопряжение биополитики, безопасности и медиализации красной нитью проходит через историю государства с XVIII в. до наших дней. Все тот же Дж. Агамбен выделяет в истории уже XXI в. модели «государства безопасности» и «государства биобезопасности» (Agamben 2021). Государство безопасности, оформившееся в процессе борьбы с международным терроризмом после событий 11 сентября 2001 г., сделало ставку в области цифровых технологий на развитие средств сбора информации, надзора, слежки. Само по себе государство безопасности может быть понято как парадоксальный отказ от свободы во имя сохранения свободы, а также как аутоиммунная агрессия (Esposito, 2008: xvii), в ходе которой жесткий ответ биовласти на угрозу терроризма оборачивается ограничениями, обременениями и даже санкциями в отношении добропорядочного гражданина, попадающего под подозрение. В государстве биобезопасности, начавшем оформляться в ходе пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, следуя Дж. Агамбену, в бинарной логике противопоставления добра (здоровье) и зла (вирус) сформировалась медицинская религия, в которой основной догмат заключается в согласии на любые ограничительные меры во имя сохранения «голой жизни». Жизнь приостанавливается во имя ее сохранения; у гражданина появляется обязанность быть здоровым; культ новой религии становится всеобъемлющим и обеспечивается медицинскими предписаниями и цифровым надзором за их соблюдением (Agamben 2021: 73–77). Медиализация как один из важнейших инструментов биополитики, связанной с обеспечением безопасности государства и воспроизводством основного ресурса национального государства – населения – исторически явилась фактором, существенно повлиявшим на жизнь современного человека. Отметим, что этот фактор имеет как положительное, так и негативное содержание. Но прежде чем обратиться к плюсам и минусам современной цифровой биомедицины в контексте биополитического производства населения, уделим внимание биокапитализму.

3 РОЖДЕНИЕ БИОКАПИТАЛИЗМА

Термин «биокапитализм» ввел в научный оборот К.С. Раджан, сделав его ключевым в своей диссертации и монографических исследованиях (Rajan 2002; Раджан 2006)¹. Согласимся с Д.В. Михелем, что «возникновение биокапитализма и его наиболее очевидного проявления – биоэкономики – стали следствием прогресса в науках о жизни, а также глубоких структурных изменений в капиталистическом способе производства» (Михель 2019: 35). С одной стороны, развитие наук о жизни привело к возникновению биоэкономики, непосредственно связанной с научными разработками в области биомедицины (а также цифровой биомедицины) и биотехнологическим производством. С другой стороны, возникли «невидимые», скрытые формы вовлечения жизни человека в капиталистическую экономику, что привело к «тотальной мобилизации» (в значении, сходном с тем, что мы встречаем в работах Э. Юнгера) жизни. Именно в этом смысле вовлечения жизни в капиталистическое производство, обмен, распределение и потребление материальных благ мы и будем рассматривать биокапитализм. Это измерение биокапитализма насквозь биополитично. В этом отношении биокапитализм произведен от биополитических практик, интенсифицирующих использование возможностей населения в рамках телеологии биовласти.

Явление биокапитализма становится особенно зримым во второй половине XX в., когда существенно меняется образ жизни человека. Д.В. Михель приходит к заключению, что сформировалась такая новая система социально-экономических отношений, в которой работа стала одновременно и суровой необходимостью, и ценностью. При этом появились формы труда, непосредственно связанные с использованием жизненных сил, то есть избытка самой жизни, заключенного в человеческом теле (Михель 2019: 36–37). Как отмечает П. Леви, развивая идею М. Фуко о человеке-предприятии, который является антрепренером себе самому, самому себе капиталом, производителем и источником доходов (Фуко 2011: 285), во второй половине XX в. «человек становится предприятием. Homo economicus – это не теоретическая фикция экономики, это моральная картина общества, в которую мы безвозвратно вступаем...» (Цит. по: Михель 2019: 37). На тотальную мобилизацию жизни, сплетение жизни и экономики указывает и А. Горц, считающий, «что в новой социально-экономической ситуации людям приходится

зарабатывать не только трудом в его традиционном понимании, но и всей своей жизнью, превращая всю ее без остатка в бизнес... вся жизнь оказывается в плену расчета и стоимости» (Цит. по: Михель 2019: 37).

Следует отметить, что именно стремление к избавлению от тяжелого, рутинного, непроизводительного труда порождает современные мечты о безусловном (универсальном) базовом доходе или универсальных базовых услугах – ренты, гарантирующей выживание, а, может быть, и весьма комфортную жизнь (Р. Брегман, Ю.Н. Харари). Впрочем, именно эта надежда на жизнь без рабства труду вдохновляла К. Маркса. «Нет никакого сомнения, что Маркс питал эту надежду на протяжении всей жизни. Мы встречаем ее выражение уже в “Немецкой идеологии”»: “Дело идет не о том, чтобы освободить труд, но о том, чтобы снять его”, а спустя десятилетия он повторяет это в третьем томе “Капитала” (гл. 48): “Царство свободы начнется по сути лишь тогда, когда прекратится труд”» (Арендт, 2000: 113). Избавление от тотального вовлечения жизни человека в трудовую деятельность мыслится как освобождение человека от образа *animal laborans* во имя раскрытия человеческого потенциала в формах социально-значимых поступков и творческой деятельности. Исторически же реализация мечты Маркса о преодолении непроизводительного труда и достижения общества, в котором каждый бы мог стать творцом, привела к неоднозначным последствиям. С другой стороны, именно преодоление праздности и рентоориентированности на начальном этапе промышленной революции в Англии явилось отправной точкой для рождения биокапитализма.

4 ВОВЛЕЧЕНИЕ «ГОЛОЙ ЖИЗНИ» В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Как отмечает К. Поланьи, в течение наиболее продуктивного периода промышленной революции (то есть в 1795–1834 гг.) формированию рынка труда в Англии препятствовал Закон Спинхемленда (Поланьи 2002: 92). Закон Спинхемленда возник на фоне смягчения действия Акта об оседлости 1662 г., ставшего основой «приходского крепостного права», строго ограничивавшего физическую мобильность работника, закрепляя его за своим приходом. Закон Спинхемленда стал «системой денежной помощи», в рамках которой «в дополнение к заработной плате беднякам следует выдавать денежные пособия в соответствии со специальной шкалой, привязанной к ценам на хлеб,

чтобы нуждающимся был таким образом обеспечен минимальный доход независимо от их заработков» (Поланьи 2002: 93). Данный закон задумывался как форма социальной защиты бедноты, фактически вводя в поле социально-экономических отношений «право на жизнь». Задуманный как противодействие окончательному обнищанию, бесправию и даже возможности голодной смерти, закон Спинхемленда привел к ряду нетривиальных последствий. Во-первых, он укрепил патерналистскую систему организации труда. Во-вторых, он лишил работников стимулов трудиться, поскольку они вне зависимости от эффективности своего труда могли рассчитывать на субсидию, восполняющую доход до установленного прожиточного минимума. Это привело к тотальной пауперизации низшего слоя сельского населения, что включает в себе важную антропологическую проблему. «Закон Спинхемленда имел своей целью предотвратить или хотя бы замедлить пролетаризацию простого народа. Результатом его стала самая настоящая пауперизация масс, успевших за это время почти полностью утратить человеческий облик» (Поланьи 2002: 97). В-третьих, закон Спинхемленда стал препятствием на пути промышленной революции. В результате благое начинание предоставления гарантии «права на жизнь» было отменено, так как «право на жизнь» превратилось в смертельную ловушку (Поланьи 2002: 94).

Закон Спинхемленда послужил важным уроком в ходе промышленной революции. Оказалось, что капитализму для его развития требуется тотальное вовлечение «голой жизни» в сферу своего влияния. Разрушение искусственно созданного «рая для дураков», осуществленное Биллем о реформе 1832 г. и Реформой к закону для бедных 1834 г., «принято считать началом современного капитализма... они [указанные законы. – Д.П.] положили конец правлению человеколюбивых лендлордов с их системой пособий. Попытка создать капиталистический строй без рынка труда окончилась катастрофическим провалом» (Поланьи 2002: 95). Таким образом, для капитализма совершенно маргинальными являются воззрения в духе Г. Торо с его проповедью незатейливой жизни, «довольством своим», крайней бережливостью, бытом «на минималках». Можно утверждать, что капитализм возможен исключительно как биокапитализм, в рамках которого ставкой становится сама жизнь – как минимум, «голая жизнь», а как максимум – жизнь полноценная, изобильная, упоительная.

Представляется, что капитализм нерасторжимо связан с мобилизацией жизни (и поэтому он –

биокапитализм) и властной организацией жизни населения (и поэтому он биополитичен). Так, Дж. Скотт, как если бы он намеренно развивал идеи М. Фуко или И. Иллича, рассматривает школу как дополнение к фабрике, усматривая в обеих институциях характерный для биополитики почерк в организации жизненного пространства. «...Общеобразовательная школа была изобретена более или менее в то же время, как и огромная фабрика под одной крышей, и эти два института являются близкими родственниками. В каком-то смысле школа стала фабрикой базового обучения арифметике и грамотности, которое было необходимо для общества, стремительно движущегося к индустриализации» (Скотт 2019: 42). Скотт проводит буквальные параллели между школой и фабрикой на примере романа «Тяжелые времена» Ч. Диккенса. В школе важнейшие конструктивные элементы моделируют фабрику, ее производственный цикл, дисциплину, единоначалие, внешнюю упорядоченность, интериоризацию данного порядка. Но Скотт идет дальше этого сходства, утверждая, что и фабрика, и школа являются проявлениями чего-то большего, а именно биополитического конструирования населения на основании идеологии добропорядочного гражданина. «Конечно же, всеобщее школьное образование предназначено не только для того, чтобы готовить необходимую для промышленности рабочую силу. Оно является как экономическим, так и политическим институтом, производящим патриотов, которые по отношению к государству будут более лояльны, нежели их региональные и локальные идентичности, диктуемые им языком, этнической принадлежностью и религией...» (Скотт 2019: 42). Он подчеркивает, что патриот, то есть лояльный добропорядочный гражданин производится не только посредством прямой индоктринации, но и косвенно за счет обучения, укорененного в стандартизации, регламентации, покорности авторитету, дисциплине, порядку. Это и есть слияние биополитического и капиталистического производства в форме биокапитализма.

5 «ДВОЙНОЙ ПРОЦЕСС» В ОТНОШЕНИЯХ КАПИТАЛА И ТРУДА

Связь биокапитализма и биополитики не ограничивается производством работника. Труд animal laborans коммодифицируется как в части извлечения из природного материала полезной для человека продукции («добывание»), так и в части потребления произведенного. В биополитической логике формирования биокапитализма необходимо

организовать производство потребителя. Соответственно, в обществе, в котором произошло управляемое биовластью «восстание масс», потребовалось уравновесить массовое производство массовым же потреблением. К. Поланьи этот сложный баланс производства и потребления вписывает в рамки «двойного процесса», в котором рыночные силы капиталистического производства уравниваются оборонительными линиями социальной защиты. Капиталистическое производство наполнило рынки товарами, подчинив себе весь мир. В качестве противовеса рыночной экспансии институционально сложилась система сдерживающих мер, направленных на контроль за воздействием рынка на труд, землю и деньги. Как отмечает Поланьи, сформировалось мощное течение, направленное на сопротивление разрушительным последствиям тотального подчинения экономики рыночным механизмам. Стремление общества обезопасить себя от угроз саморегулирующейся рыночной системы может рассматриваться как лейтмотив истории данной эпохи (Поланьи 2002: 90–91). Двойной процесс предстает как одновременная реализация двух противонаправленных тенденций, или, следуя Поланьи, двух принципов. «Одним из них был принцип экономического либерализма, стремившийся к созданию саморегулирующегося рынка, опиравшийся на поддержку торгово-промышленных слоев и в качестве своих методов широко использовавший *laissez-faire* и свободную торговлю; другим – принцип социальной защиты, имевший своей целью охрану человека, природы, а также производственной организации, опиравшийся на неодинаковую поддержку тех, кого пагубное влияние рынка затрагивало самым непосредственным образом...» (Поланьи 2002: 149–150).

Ярким примером действия двойного процесса является «фордизм». Компания Г. Форда, как известно, довела до совершенства методы научной организации труда, которые разработывал Ф.У. Тейлор. Знаменитый конвейер Ford и есть прикладной тейлоризм. Однако конвейер парадоксальным образом имеет и человеческое измерение, несмотря на всю его бездушность, в гротескно-выпуклой форме продемонстрированную Ч. Чаплиным в «Новых временах» (англ. *Modern Times*). Ш. Зубофф считает, что благодаря Форду массовое производство открыло новую эру, основанную на феномене массового потребителя, желавшего покупать, но по цене, которую мог себе позволить (Зубофф 2022: 43). Г. Форд полагал, что массовое производство начинается с обнаружения

общественной потребности. Он крайне успешно воспользовался возможностью, которую сам же и создал, запустив массовое производство бюджетного автомобиля Model T. Этот смелый эксперимент послужил прообразом для массового выпуска такого бы то ни было иного продукта. В конечном итоге, фордовский тип капиталистического предприятия, ориентированного на массового потребителя, распространился по всему миру и установил «господство нового капитализма массового производства в качестве основы для создания богатства в XX веке» (Зубофф 2022: 44). Форд сделал ставку не на узкую прослойку обеспеченных людей в поиске предметов роскоши, а на формирующийся класс людей не зажиточных, но готовых трудиться, если есть перспектива увеличения благосостояния. «Форд был единственным, кто разглядел новую нацию все более современных людей – фермеров, наемных работников, лавочников, – которые мало имели и многого хотели, но по цене, которую могли себе позволить... Выплачивая рабочим на конвейере более высокую заработную плату, чем кто-либо мог себе тогда представить, он признавал, что вся затея с массовым производством опирается на существование процветающего слоя массовых потребителей... Этот капитализм зависел от своего общества таким образом, что в конечном итоге это привело к ряду институционализованных взаимностей» (Зубофф 2022: 46–47). Реципрокные отношения между массовым производством и массовым потреблением привели к тому, что уровни дохода, потребления, благосостояния и запросов в отношении качества жизни стали расти, раскручивая маховик капиталистической экономики. Подобный процесс привел к появлению концепта государства всеобщего благосостояния (благополучия, благоденствия; англ. Welfare state). Однако фордизм с точки зрения капитала имеет и определенные недостатки – ориентируясь на среднестатистического потребителя, капиталистическое производство не обеспечивает сверхприбыль. Принимая в расчет ограниченные возможности потребителя, капитализм выполняет полезную социальную функцию, но «наступает на горло собственной песне» – эффективному применению капитала, обеспечивающему взрывной рост прибыли и оптимизацию производства. Обеспечение гарантиями прав работников, узаконивание систем занятости, карьерного роста, устойчивого роста заработных плат, пособий и социальных выплат вполне может восприниматься капиталом как необходимое зло, но, тем не менее, не может не восприниматься как обременение и вид

нехарактерной деятельности.

6 БИОКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ «ПОЛНОЦЕННОЙ ЖИЗНИ»

Одним из драйверов интенсификации капиталистического производства и массового потребления становится дальнейшее вовлечение жизни человека в этот процесс. Если в ходе промышленной революции была сделана ставка на выживание и использован ресурс «голой жизни», то, по мере роста уровня благосостояния, в капиталистическую экономику вовлекается желание «жить хорошо», «быть не хуже других», потреблять не просто продукт определенного вида, а продукцию бренда, который помимо товара делится еще и флюидами успеха и превосходства. Ш. Зубофф отмечает, что Эмиль Дюркгейм, рассматривая причины разделения труда, полагал, что по этому поводу возможна не только точка зрения экономистов, но и более глубокое – антропологическое – объяснение. «Дюркгейм считал, что извечное стремление человека полноценно жить в своих “условиях существования” и есть невидимая причинная сила, вызывающая к жизни разделение труда, технологии, организацию труда, капитализм и в конечном счете саму цивилизацию» (Зубофф 2022: 47). Каждый раз складывающиеся новые условия жизни усиливают борьбу за полноценную жизнь: Люди вовлекают себя в логику капиталистической экономики сильнее и сильнее, пытаясь полноценно жить, борясь с условиями существования, с которыми они сталкиваются в определенном месте и в определенное время (Зубофф 2022: 48). При этом «полноценно жить» включает в себе огромное количество смыслов, многие из которых существенно превосходят банальное выживание. По сути «полноценная жизнь» в условиях развитого капитализма замещает «голую жизнь». Лишенный полноценной жизни обыватель в глазах окружающих, не говоря уже о собственных глазах, может выглядеть как homo sacer со всеми вытекающими последствиями.

Как известно, Ф. Ницше в своей «философии жизни» обращал внимание на два аспекта жизни человека – борьбу за существование и волю к власти. Если борьба за существование характеризуется недостатком жизненных сил, то воля к власти манифестирует избыток. Выживание в первом случае дополняется гарантированным доминированием во втором. Борьба за существование включила «голую жизнь» в капиталистическое производство. Как только корпорации окрепли, а наемный труд

адаптировался в рамках сложившегося корпоративного «общественного договора», тенденция выживать сменилась тенденцией преуспевать – как для корпораций, алчно устремившихся к прибыли, так и для работников, рассчитывающих на еще большее процветание, которое, как казалось в сложившихся обстоятельствах, более чем возможно².

Именно в этой атмосфере погони за полноценной жизнью происходит сбой в функционировании «двойного процесса». Прочной основой для общества, в котором идеи реципрокных связей между корпоративным капиталом и персоналом отступают на второй план, становится констелляция уже достигнутого уровня благосостояния; стремление активной части общества к эмансипации, самостоятельности и манифестации индивидуальности; целенаправленное принижение со стороны государства иждивенческих настроений (особенно педалируемое в период «холодной войны» США и Великобритании под эгидой неоконсерватизма); заинтересованность капитала в минимизации издержек на наемный труд.

Так или иначе, «под флагом неолиберализма “двойной процесс” был теперь намечен под снос, и реализация этих планов началась немедленно... Меры, начавшиеся при Картере, определили собой эпоху Рейгана и Тэтчер... и затронули практически весь остальной мир, когда новая фискальная и социальная политика, в той или иной степени, стала распространяться в Европе и других регионах... Открытое акционерное общество как социальный институт стало считаться дорогостоящей ошибкой... а логика капитализма сместилась с прибыльного производства товаров и услуг в сторону все более экзотических форм финансовых спекуляций» (Зубофф 2022: 58).

7 НАДЗОРНЫЙ КАПИТАЛИЗМ И ЦИФРОВАЯ БИОМЕДИЦИНА

После того, как тренды оптимизации капиталистического предприятия и предельной рационализации в управлении во имя интересов акционеров стали повсеместны, возник разрыв между капиталом и трудом. Сознательный отказ от курса на предельную эффективность, предполагающий поддержку массового потребителя, – это искусственное равновесие между массовым производством и массовым потреблением – более не считается целесообразным.

Кроме того, в рамках того явления, которое Шошана Зубофф обозначает как «второй модерн»,

в капиталистическое производство вовлекается желание индивида быть индивидуальностью, иметь неповторимые черты, стиль, вкус, имидж. Второй модерн формирует потребность во имя полноценной жизни выделяться среди сограждан. Новое качество жизни, сформированное «первым модерном», порождает условия жизни, в рамках которых заявляет о себе и активно стимулируется спрос на «особенность», на индивидуальное «Я». Преломленная в капиталистических зеркалах погони за эффективностью и прибылью, здоровая тенденция быть личностью вбирает в себя мотивацию конкуренции за место под солнцем и вырождается в стремление из кожи вон лезть, чтобы жить полноценной жизнью.

Цифровые технологии, для которых эффективность, оптимизация и рационализация являются имманентными благодаря математическим принципам, лежащим в основании данного типа технологий, устремляются к поиску новых возможностей извлечения прибыли. Неожиданно обнаруживается «поведенческий излишек» – бесхозный массив данных, расширяющийся по мере технологического развития, который, как оказалось, можно обработать, «обогащать», как руду, – и продать заинтересованным клиентам. На этом пути возникает «надзорный капитализм». Он основан на сборе, анализе и использовании намеренно накапливаемого массива данных пользователей интернета. Надзорный капитализм предстает как этап развития капитализма, в рамках которого IT-компании создают инструментарий, позволяющий достичь крайней степени эффективности в получении прибыли благодаря оптимизации отношений капитала и потребителя за счет довольно точного знания о потребностях, желаниях, образе жизни и поведении потребителя. Безусловно, речь идет о незначительной горстке IT-гигантов, обладающих мощным научным и технологическим потенциалом, а также административным ресурсом, позволяющим реализовывать свои планы. Надзорный капитализм, «обогащая» «выхлоп данных», не только стимулирует потребление, но и подталкивает к поведению и образу жизни, гарантирующему прибыль для капитала. Эксплуатация желания жить «полноценной жизнью», предугадывание и потакание желаниям потребителя создают условия, при котором общественный договор между массовым производством и массовым потреблением разрушается. Складывается ситуация, в рамках которой капитал более не связан обременениями в пользу потребителя. Инвестиции в мифологию полноценной жизни, стимулирование

образа жизни в погоне за полноценностью, прицельная точность в индивидуальном предложении товаров и услуг, гарантированно соответствующих потребностям и желаниям потребителя – все это способствует интенсификации экономических процессов. Однако, остается вопрос о долговременности такого тренда.

В приложении к вопросу о развитии биомедицины и биотехнологий следует отметить, что одной из важнейших сторон полноценной жизни является здоровье, активность, долголетие, живость и даже избыточность жизненных сил. Этот фон разгоняет цифровую биомедицину. Пользователи цифровой биомедицины получают то, что ищут, – улучшение, полноценную жизнь. При этом они оставляют данные о себе для компаний, являющихся флагманами надзорного капитализма. Естественно, потребителей вновь и вновь заманивают в «сети» улучшения. Надзорный капитал, лоббируя неопределенность законодательства в области защиты персональных данных, в конечном итоге обладает возможностью получать сведения о потребителе и передавать их собственной клиентуре, состоящей из предприятий, производящих товары и услуги, которые, в свою очередь заинтересованы в получении прибыли на потребителе. Зная интересы, склонности, предпочтения, желания, мечты, а также зависимости, добродетели и пороки индивидуума, надзорный капитал находит способ заработать на них. Стремление жить «полноценно», в том числе сознательно формируя уникальную жизненную историю и неповторимый «имидж» – определенного рода уязвимость. «Утечка» таких данных в результате целенаправленного надзора создает прибыль как для надзорного капиталиста, так и для третьей стороны, предоставляющей товары и услуги. Формируется новый «двойной процесс», в рамках которого происходит «обогащение» данных (этого сырья для IT-компаний) потребителей, а также «обогащение» самих потребителей (этого сырья для надзорного капитализма), поведение и образ жизни которых в рамках культа полноценной жизни становятся драйверами экономического развития.

Благодаря поведенческому излишку в условиях радикального безразличия к общественному договору между капиталом и потребителем за пределами экономических драйверов конкуренции и прибыли, руководствуясь в рамках цикла изъятия данных императивами извлечения и прогнозирования, надзорный капитализм торгует на рынке фьючерсов человеческого поведения. В таких условиях цифровая биомедицина развивается

на волне возрастающего спроса на ее продукты, отвечающие представлениям о полноценной жизни.

С другой стороны, развитие цифровой медицины способствует расширению данных о потребителе. Теперь уже данные о здоровье, потенциальных уязвимостях организма, особенностях поведения, ограничениях, связанных с хроническими или перенесенными заболеваниями, могут стать достоянием надзорного капитала и потенциально неограниченного круга лиц. Для надзорного капитала такое расширение соответствует укреплению позиций на рынке. Максимально широкий профиль потребителя дает возможность торговать данными о платежеспособности, благонадежности, лояльности, зависимостях, пределах возможностей и даже уязвимостях индивидуумов. В подобной информации могут быть заинтересованы работодатели, правоохранительные органы, специальные службы, криминальные структуры.

Таким образом, цифровая биомедицина и надзорный капитализм как современный этап развития биокапитализма связаны взаимной выгодой. Для индивида, живущего в эпоху надзорного капитализма, эта связь носит амбивалентный характер. С одной стороны, надзорный капитализм способствует развитию цифровой медицины на уровне технологии и продвижения идеологии «полноценной жизни». С другой стороны, надзорный капитализм, располагая все большей информацией об индивидууме, помещает его в поле влияния многочисленных сил, имеющих планы и преимущества в информированности по отношению к поднадзорному лицу.

В конечном итоге, формируется специфический взгляд с высоты Бога со стороны цифрового Паноптикона, в рамках которого человек предстает как статистически взвешенный, измеренный и признанный не годным либо годным на усмотрение наблюдателя. В погруженном во мрак (an utterly dark spot) командном пункте Паноптикона скрытый бог (Deus absconditus) которого имитирует неведомый и невидимый «инспектор» – биовласть, опирающаяся на флагманов надзорного капитализма – способствует полноценной жизни, но и фабрикует ее в направлении, выгодном для клиентуры надзорного капитала³.

7 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, связь биомедицины (в частности, цифровой медицины), биокапитализма (и его частного случая – надзорного капитализма) с биополитикой можно выразить следующим образом:

1. Современные развитые формы биомедицины (и, в частности, цифровой биомедицины) сформировались в русле медиализации населения – одного из основных инструментов биополитики, получившей широкое распространение в Европе в XVIIIв.
2. Биомедицина выражает в себе основную интенцию биополитического управленчества, а именно «заботу о населении». В частности, так называемая либеральная евгеника, основанная на добровольном информированном согласии и нацеленная на «человеческое улучшение» (англ. human bioenhancement), сопрягает начала капиталистического предприятия, логику биополитического инвестирования в население и поощрения биовластью процессов самоорганизации населения.
3. Цифровая биомедицина – активно развивающийся сегмент биокапиталистического производства. «Выхлоп данных» персональной антропометрической, биометрической, генетической информации с использованием так называемых «носимых устройств», а также современного диагностического оборудования и иных гаджетов, показания которых могут быть интерпретированы как медицинские, в условиях заинтересованности IT-компаний (в первую очередь, IT-гигантов – первооткрывателей и основных добытчиков «поведенческого излишка») в ослаблении мер информационной безопасности служат важным элементом современного надзорного капитализма. Такие данные коммодифицируются, что создает условия для таргетинга рекламы, стимулирования и подталкивания индивида к приобретению товаров и услуг, формирования определенного образа жизни и даже среды обитания. Кроме того, в агрегированных в профиль конфиденциальных данных биометрического, медицинского, генетического характера о конкретном

человеке могут быть заинтересованы акторы, прямо не руководствующиеся экономическими интересами (работодатель, миграционная и налоговая служба, правоохранительные органы, специальные службы и т.д.), в соответствии с характером деятельности. Учитывая отсутствие единого подхода к защите персональных данных и регламентации профайлинга на международном уровне, надзорный капитализм имеет потребность, а заинтересованные игроки – возможность обладать персональными данными биомедицинского характера. Как следствие, цифровая биомедицина выполняет не только свои прямые функции – заботится о жизни и здоровье как индивидов, так и целокупного населения – но и исподволь является поставщиком данных для набора целей, выходящих за рамки своего предназначения, но, тем не менее, вполне биополитических по своему содержанию.

4. Если говорить о возможном негативном использовании цифровой медицины в рамках надзорного капитализма, то она способствует формированию модели «человека-датчика» – паноптически наблюдаемого и панграфически описываемого объекта, встроенного в систему Internet of Things. Это смещение носит антропологический характер, что влечет дрейф от модели автономной личности к гетероному индивиду, поведение которого моделируется и управляется бихевиористскими и им подобными способами и методами, основанными на модификации среды, следствием чего является в той или иной степени трансформация внутреннего мира человека. Следует отметить, что подобное манипулятивное воздействие на человека с использованием цифровых технологий вполне отвечает духу биополитики и носит амбивалентный характер. Биополитика, нацеленная на формирование технологий «производства» лояльного и экономически эффективного гражданина, заинтересована как в достижении целей биовласти (в первую очередь – могущества, процветания, безопасности государства), так и в инициативе, удовлетворенности, полноценности жизни населения. Однако, подобная телеология предполагает не

только инклюзивный инструментарий, но и механизмы исключения. Цифровая биомедицина включает в себе возможности как инклюзии, так и эксклюзии индивида.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ На это указывает Д.В. Михель: «Термин “биокапитал” впервые стал использовать К. Сандер Раджан, в работах которого также встречаются такие понятия, как “генетический капитал”, “живой капитал»» (Михель 2019: 35). Е.Г. Гребенщикова отмечает: «Чтобы акцентировать центральное положение наук о жизни, К.С. Раджан предложил термин “биокапитализм”, подчеркивая, что перемещение капитала в сферу этих наук является явным признаком новой фазы капитализма. Другая причина – влияние транснациональных корпораций, коммерческие интересы которых могут быть очень значимы в глобальной конкуренции за влияние и доминирование на рынках “биокапитализма»» (Гребенщикова 2016: 34). Как емко выразился Д.В. Михель, «“биокапитализм” – капитализм, созданный прогрессом наук о жизни» (Михель 2019: 27).

² Надо ли говорить, что это движение к «сверхчеловеку» от «голой жизни» к «изобильной жизни» по канату, натянутому над пропастью, обернулось господством финансовых спекулянтов, разрастанием сегмента прекариата, бегством производств в края «потогонных» фабрик» и чрезвычайной дифференциации в уровне доходов как между странами, так внутри большинства из стран мира?

³ О специфике Паноптикона Иеремии Бентама см.: Bentham, J. *The Panopticon Writings*. M.Bozovic (ed.), London, New York: Verso, 1995, p. 10–15.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [1] Арентс Х. (2000) *Vita activa, или О деятельной жизни*, СПб.: Алетей.
- [2] Гребенщикова Е. (2016) Проекты улучшения человека, *Человек*, № 5, с. 30–39.
- [3] Деланда М. (2014) *Война в эпоху разумных машин*, Екатеринбург: Кабинетный ученый; М.: Институт общегуманитарных исследований.
- [4] Зубофф Ш. (2022) *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее*

на новых рубежах власти, М.: Издательство Института Гайдара.

- [5] Кильдюшов О.В. (2013) Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики, *Социологическое обозрение*, т. 12, № 3, с. 9–40.
- [6] Кильдюшов О.В. (2022) Полицейское государство как симптом: немецкая классическая философия и биополитика модерна (Гегель vs Фихте), *Вестник РУДН. Серия: Социология*, т. 22, № 3, с. 503–517.
- [7] Коченов Д. (2021) *Гражданство. От равенства и достоинства к унижению и разделению*, М.: Эксмо.
- [8] Михель Д.В. (2019) *Биокапитализм: новые технологии, новая экономика, новые формы труда и контроля в глобальном мире, Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика*, № 4, с. 25–49.
- [9] Поланьи К. (2002) *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*, СПб.: Алетей.
- [10] Скотт Дж. (2019) *Анархия? Нет, но да! Шесть вольных заметок об автономии, достоинстве, осмысленном труде и забаве*, М.: Издательство «Радикальная теория и практика».
- [11] Фуко М. (2006) *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3*, М.: Праксис.
- [12] Фуко М. (2011) *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*, СПб.: Наука.
- [13] Ярков А.В. (2018) *Онтологические основания зла в современном обществе: философско-герменевтический аспект*, Екатеринбург; Ижевск: ИФиП УрО РАН.
- [14] Bentham, J. (1995) *The Panopticon Writings*. M. Bozovic (ed.), London, New York: Verso.
- [15] Esposito, R. (2008). *Bíos: Biopolitics and philosophy*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- [16] Rajan, K.S. (2002) *Biocapital: The Constitution of Post-Genomic Life*, Cambridge: The Massachusetts Institute of Technology.

[17] Rajan, K.S. (2006) Biocapital: The constitution of postgenomic life, Durham; London: Duke University Press.

Для цитирования

Попов Д.В. (2022) Цифровая биомедицина и надзорный капитализм в логике биополитического управления, Медицинская антропология и биоэтика, 2(24). DOI: <https://doi.org/10.33876/2224-9680/2022-2-24/04>

ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Владимирович Попов – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры философии и политологии Омской академии МВД России (Омск, Россия)

<https://orcid.org/0000-0002-4587-6351>